
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 210-летию Герценовского университета

*Е. Н. Груздева,
бильд-редактор издательства
Е. М. Колосова,
директор музея истории университета*

ЖЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг.

«Кровавое воскресенье» вызвало в России массовое возмущение. В знак протеста против расправы над рабочими началась и всероссийская студенческая забастовка, охватившая 39 высших учебных заведений. Либеральная профессура по сути дела поддержала эту акцию. Многие столичные вузы стали центрами проведения массовых митингов молодежи и студенчества. Эти страницы довольно хорошо отражены в публикациях и исторических исследованиях. Между тем о влиянии революционных событий на жизнь женских институтов, которые относились к Ведомству императрицы Марии Федоровны, известно немного. В Петербурге к таким учебным заведениям закрытого типа можно отнести Павловский, Сиротский Николаевский, Елизаветинский, Екатерининский, Смольный институт благородных девиц. В данных учебных заведениях девушки-воспитанницы находились под постоянным наблюдением надзирательниц. Стержнем воспитательного процесса в институтах было привитие нравственности через личный пример наставниц, неуклонное выполнение религиозных обязанностей, строгое соблюдение дисциплины. Однако революционные настроения проникали и в эту среду. Первым таким проявлением было создание общества вспомоществования бывшим воспитанницам. Открытого массового выступления воспитанниц не наблюдалось, занятия внешне протекали спокойно, но обсуждение действительности проходило постоянно.

Кроме вышеперечисленных средних учебных педагогических заведений, в Ведомстве был и высший Женский педагогический институт, где учились девушки старше 16 лет.

«Кого не захватило, не затронуло движение девятьсот пятого года, когда все встrepенулись, и казалось, что все вот-вот пойдет к лучшему», — писала одна из слушательниц этого института. В рукописном журнале «Искание» она подробно описывает события 9 января 1905 г.: «Утро. Тихо еще в городе. Но в этой тиши что-то страшное, грозное. По улицам ходят наряды солдат и городовых, встречаются подчас и казаки с длинными пиками. Вдруг раздается шум, ближе и ближе..., он все больше увеличивается. Послышались крики отчаяния и ужаса. Показались люди, что стадо гонимые. Дрожащие, со страшным выражением на лицах, исказившиеся до неузнаваемости черты, двигались они. За ними надвигались казаки. Что-то вдруг засвистело. Вслед за этим раздался человеческий крик, нечеловеческий крик... Засверкали сабли... “Боже мой, ведь это ужасно”, — плакала я. — “Молчи, ведь эти евреи сами виноваты, зачем их жалеть, если они сами вызывают это своими двумя «ш...»” — “Какими двумя «ш»?” — “Швобода шлова!”

А потом стало известно, что солдаты ворвались в синагогу, что вдруг из окон полетели женщины и дети, на камни мостовой, что немилосердно рубили людей надвое. Да, настало время, когда люди узнали, что есть нечто более ужасное, чем смерть! Люди молчали. Камни были обогрены кровью. Отовсюду слышались разговоры о происходящих событиях, критиковать которые было опасно. В душе закипело что-то новое — возмущение и ужас перед этой жизнью, такой некрасивой, несчастной, жажды жизни иной, красивой была так остра, так болезненно ощущалась всеми» [Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. Фонд Н. П. Гринковой. «Искание». Л. 3–4].

Когда слушательницы Женского педагогического института в январе 1905 г. предприняли попытку устроить сходку, посвященную вопросу о присоединении института к бастовавшим учебным заведениям, директор С.Ф. Платонов, считавший, что институт — не место для политической агитации, организовал встречу студенток с Великим князем Константином Константиновичем. В присутствии почетного попечителя института девушки пытались отстоять своё «право на солидарность с другими товарищами-студентами». С. Ф. Платонов в своем выступлении подчеркнул, что Женский институт находится не в одинаковых с прочими вузами условиях, так как принадлежит к Ведомству учреждений императрицы Марии, подчинявшемуся непосредственно царствующему дому, состоит под прямым покровительством императорской фамилии и находится в особых отношениях с Великим

князем Константином Константиновичем, которого директор представлял не только как попечителя, но и как хозяина учреждения. Слушательницы, по словам директора, не имели никакого права на выражение своих общественных взглядов в стенах учреждения [ОР РНБ. Ф.585 (Платонова С. Ф.). Оп. 1. Д.424. Л.1–1об.]. Совет профессоров института тоже не поддержал студентов. Однако избежать волнений в институте все-таки не удалось.

Общественный подъем в стране не ослабевал в течение всего 1905 г. Попытка правительства привлечь на свою сторону профессуру путем издания в августе-сентябре новых «Временных правил об управлении вузами Министерства просвещения» не дала желаемых результатов. С. Ю. Витте отмечал, что «все высшие учебные заведения после указа об автономии сделались местом ежедневных революционных митингов» [Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 542].

Политически активные студентки Педагогического института летом и осенью 1905 г. посещали собрания в Технологическом институте и других вузах, принося свежие новости в институт. Революционные идеи находили отклик среди педагогичек, и в октябре состоялась бурная сходка слушательниц, на которой ее участницы большинством голосов постановили примкнуть к общей политической забастовке, в которой видели «последнюю попытку русского народа добиться мирным путем свободы и права» [ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5547. Л. 45]. Оставшиеся в меньшинстве не признали принципа подчинения большинству и студентки раскололись на две группы — «за» и «против» забастовки. Девушки сочли невозможным продолжать занятия и обратились к коллегии профессоров вуза с прошением поддержать их просьбу о временном закрытии института. Институтская конференция решила приостановить занятия до особого определения.

Провозглашенный правительством «Манифест 17 октября» способствовал изменению настроений масс: всеобщая политическая забастовка была прекращена. Занятия в институте возобновились уже в конце октября 1905 г.

В сложившейся обстановке девушки снова пошли на переговоры с администрацией — на общем собрании, состоявшемся 28 октября, они выработали ряд пожеланий, которые представили конференции. В их числе были: требование расширения прав автономии слушательниц в созыве собраний, более четкого определения отношений с конференцией и администрацией института, устройство в институте общественной читальни; осуществление мероприятий, направленных на повышение политического образования девушек — приобретение специальной литературы, введение в учебные планы курсов социальных наук и государственного права [ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5547. Л. 53–53об.]. По всем этим пунктам конференция дала собранию обоснованные отказы.

Администрация находилась в растерянности и не видела способа противостоять общественному движению. Было решено закрыть институт, чтобы избежать нежелательного внешнего влияния на слушательниц и одновременно оценить внутреннюю «расстановку сил».

Обстановка в институте к тому времени накалилась до предела, и разногласия в среде педагогичек проявились особенно рельефно. «Левые» продолжали отстаивать свои политические взгляды. Численность их несколько сократилась, но они объединились в «корпорацию сознательных людей, которые не могут оставаться пассивными созерцателями текущего мимо них потока жизни, а имеют потребность принять в нем живое участие». На сходке 14 ноября 1905 г. «корпорация» объявила, что готова к переговорам и даже сотрудничеству с конференцией, но в определенных пределах; возобновление занятий считает возможным лишь при условии открытия института для митингов; свои действия желает согласовывать с постановлениями Совета рабочих депутатов, «пока они не примут партийной окраски» [ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5547. Л. 83].

Другую позицию занимала группа, принципиально отвергавшая митинги, как «несовершенную форму выражения сочувствия освободительному движению». Сторонницы того, чтобы «не только на словах, но и на деле» определить свою позицию, эти слушательницы вынесли на обсуждение конференции вопрос об устройстве при институте воскресной школы для детей рабочих и работающих женщин.

Среди профессоров института тоже не было единодушия. Конференцией было принято решение о прекращении занятий, но были разрешены частные занятия преподавателей в здании института по взаимному соглашению со слушательницами.

Одним из преподавателей, поддерживавших в этот период тесный контакт со слушательницами, был филолог С. А. Адрианов. Он, по его словам, в ноябре-декабре 1905 г. надеялся, что «в институте отыщутся живые силы, которые позволят найти свежие и гибкие формы воздействия на психику слушательниц. Ведь старые обычные формы доказали уже в целом ряде учреждений, что они одни бессильны... Наука сама по себе не может быть орудием борьбы против революционного хаоса. Она — беззащитна, и надо вокруг нее создать какую-то ограду, иначе она будет осквернена и убита». С. А. Адрианов видел выход в том, чтобы в институте «закипела дружная общая работа, и чтобы институт отрешился от некоторых своих точек зрения и опасений»; в том, чтобы преподава-

тели проявили по отношению к молодежи терпимость и доверие, предоставив им определенную свободу. Чувствуя себя обязанным помочь слушательницам разобраться «в хаосе их настроений и найти для этих настроений культурный и приемлемый выход», С. А. Адрианов остро переживал, что директор С. Ф. Платонов — «не господин положения», что он чаще всего выступает «добровольным защитником чужих идей и интересов» [ОР РНБ. Ф. 585 (Платонова С. Ф.). Оп. 1. Д. 2056. Л. 23–25].

С. Ф. Платонов как руководитель института находился в эпицентре непримиримых противоречий: «...ему приходилось вращаться между Великим князем, пропитанным династическими традициями, классными дамами, застрявшими в николаевских взглядах, бунтливой конференцией и слушательницами». Он не спешил принимать никакие решения и наблюдал за развитием ситуации. В продолжение частичных занятий институт посещала большая часть слушательниц, никаких инцидентов отмечено не было, и в начале 1906 г. руководство института решило объявить о возобновлении занятий в полном объеме.

В результате настойчивых обращений слушательниц весной 1906 г. было получено согласие администрации учреждения на организацию общественной читальни и воскресной школы. Девушки энергично взялись за дело — в том же 1906 г. читальня уже начала работать, к осени была открыта и воскресная школа для рабочей молодежи, просуществовавшая до 20-х гг. Хотя она существовала с ведома и согласия администрации, но все же слушательницы, принимавшие активное участие в ее деятельности, находились на особом счету. Так, например, участие в сходках революционно настроенной студенческой молодежи и работа в воскресной школе повредили «репутации» студентки Н. М. Элиаш: несмотря на то, что многие профессора отмечали ее незаурядные способности, начальство не пожелало оставить ее при институте, и девушка была отправлена на работу в город Верный (Алма-Ату).

Судя по воспоминаниям бывших слушательниц, хранящихся в фонде музея истории РГПУ им. А. И. Герцена и документам из архивных коллекций, педагогички не особенно увлекались политикой. Всплески политической активности отмечались в основном в годы общего революционного подъема. Причем в Женском педагогическом институте пропагандистская работа велась не в пример скромнее, чем на Бестужевских курсах, в Психоневрологическом Бехтеревском институте или на курсах П. Ф. Лесгафта. Педагогический институт и по социальному составу слушательниц и по общественно-политическим взглядам подавляющего большинства преподавателей стоял на позициях законного либерализма и мирного просветительства. Тем острее переживались такие происшествия, как отказ группы слушательниц IV курса во время педагогической практики давать уроки Закона Божьего. Выпускницы, выступавшие против принудительности этих уроков как «обязанности, посягающей на свободу совести слушательниц», в назидание остальным даже были лишены дипломов [Архив РГПУ. Ф. ППС Герц. Д. 1263. Л. 7].

Учащаяся молодежь всегда чутко реагировала на происходящие в стране события: в 1910 г., после смерти Льва Толстого, сообщение о которой всколыхнуло всю страну, делегатки от слушательниц Женского педагогического института, как и представители многих других учебных заведений России, ездили в Ясную Поляну, чтобы проводить писателя в последний путь, и положили на его могилу белые розы. В годы нового революционного подъема наиболее активные педагогички бегали на уличные митинги: в день 8 марта 1911 г. — к Народному дому графини Паниной; а в 1912 г. — на громадный студенческий митинг у Казанского собора по поводу Ленских событий. Там, по свидетельству одной из девушек, они «на собственной шкуре убедились, что такое казацкая нагайка, гулявшая по ком и куда попало» [Музей истории РГПУ. М–22. Мелещенко З. Н. Годы учения в высшем ЖПИ и их влияние на мою последующую жизнь. Л. 4].

Тем не менее политическая активность педагогичек уже никогда не поднималась до уровня 1905–1907 гг., а, напротив, ослабевала. В предреволюционные годы выступления общественно-политического характера в институте отмечены не были — девушки больше внимания уделяли общественной работе.